

ПРОСОДИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ХЕЗИТАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО СТАТУСА ГОВОРЯЩЕГО

Рассматриваются просодические маркеры хезитации как средство определения коммуникативного статуса участника диалога. Под коммуникативными статусами понимаются психологические ролевые статусы ведущего и ведомого. Цель работы – показать, какие именно маркеры хезитации и при каких условиях эксплицируют реализацию статуса ведомого. В работе устанавливается взаимосвязь между коммуникативным статусом и количественными и качественными характеристиками просодических маркеров хезитации. Просодические средства проанализированы с помощью программы Speech Analyzer. В частности, определены длительность пауз, движение тона в них, а также описано движение тона в высказывании.

Ключевые слова: коммуникативный статус; маркеры хезитации; просодия; Speech Analyzer; диалог; звучащая речь.

На современном этапе развития лингвистической науки стало совершенно ясно, что в процессе коммуникации задействованы сразу несколько информационных (коммуникативных) каналов: вербальный (сегментный), просодический, жестовый и т.д. Современная лингвистика изучает единицы, передающиеся аудиально и визуально с помощью различных каналов, т.е. занимается исследованием мультиканального дискурса [1].

В последнее время многие исследователи интересовались невербальным компонентом коммуникации, связанным со зрительным восприятием. Например, подробно изучался так называемый язык тела, т.е. жесты, мимика, различные позы [2]. Описывались иллюстративные жесты, которые, в отличие от жестов-эмблем, не имеют постоянного, закрепленного за ними значения [3]. Иллюстративные жесты могут быть дейктическими, т.е. указывающими на реально присутствующий или воображаемый референт, изображительными, т.е. передающими слушающему какую-то смысловую информацию, дополняющую или дублирующую слова, могут представлять собой жестовые ударения, т.е. движения руки, согласованные с ударным слогом в слове, и т.д. Еще одним невербальным компонентом коммуникации, передающимся по визуальному каналу, является движение глаз. Данный компонент также оказывался в центре внимания ученых [4].

Просодический компонент речи, воспринимаемый человеком с помощью органов слуха, представляет не меньший интерес для лингвистики. В данной статье мы рассмотрим такие просодические элементы, которые являются маркерами хезитации, и установим их взаимосвязь с коммуникативным статусом участника общения. Просодические маркеры хезитации – это, например, заполненные паузы и удлиненная реализация фонем, т.е. так называемые долексические сигналы речевых сбоях и затруднений [5. С. 181–183].

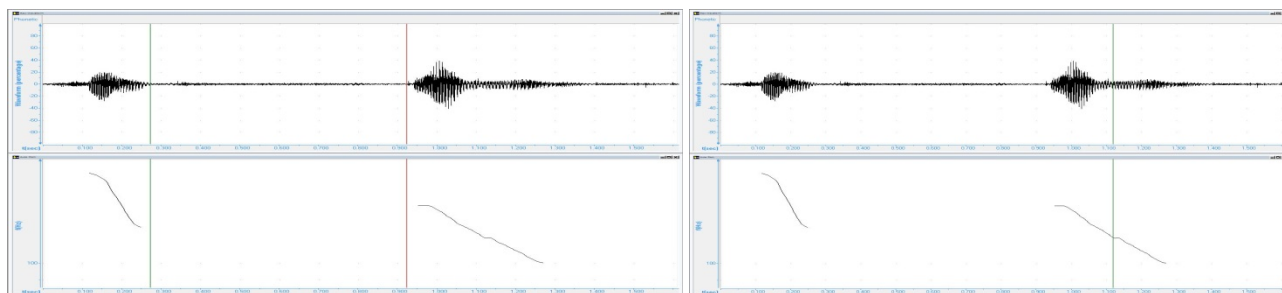
Материалом для исследования является диалог, в котором один из собеседников нанимает второго в качестве киллера. Рассматриваемый материал представляет собой спонтанный устный текст, записанный на аудионоситель. По данному тексту была назначена и проведена лингвистическая экспертиза. Условно обозначим первого участника диалога словом *заказчик*, а второго – словом *киллер*. Информация о просодии рассматриваемого текста получена с помощью компьютерной программы анализа устной речи Speech Analyzer.

На наш взгляд, изучение упомянутых выше маркеров хезитации напрямую связано с проблемой определения коммуникативного статуса говорящего в диалоге. Под коммуникативным статусом мы понимаем приблизительно то, что у И.Н. Борисовой обозначено термином *психологический ролевой статус* [6. С. 44]. Коммуникативный статус является переменной характеристикой коммуниканта, т.е. такой, которая присуща ему в рамках одного или нескольких коммуникативных событий, и представляет собой позицию, занимаемую коммуникантом для достижения определенных целей в общении. На самом высоком уровне обобщения можно выделить коммуникативные статусы ведущего и ведомого. Для устной спонтанной речи характерны нарушения плавного развертывания речевого потока и возникающие вследствие этого маркеры хезитации. Паузы хезитации и удлиненная реализация фонем являются необходимыми для любого говорящего перерывами в речи, во время которых происходит подготовка новой порции информации [5. С. 177–179]. Речь коммуниканта, являющегося ведомым, должна, по нашему мнению, содержать больше таких перерывов, нарушающих плавность развертывания дискурса и свидетельствующих о трудностях говорящего при речепорождении.

В диалоге, который мы анализируем, коммуникативные статусы заданы ситуацией общения: очевидно, что заказчик занимает позицию ведущего, а киллер – ведомого. Уровень просодии подкрепляет данное утверждение: в речи киллера мы находим больше заполненных пауз и удлинений, чем в речи заказчика, причем в некоторых элементарных дискурсивных единицах (ЭДЕ) мы можем констатировать наличие сразу двух маркеров хезитации. В случае когда коммуникативный статус задан целью общения, возникает интересная исследовательская задача, заключающаяся в характеристике просодических маркеров хезитации, эксплицирующих реализацию статуса ведомого. Поэтому рассмотрим заполненные паузы и удлинения звуков в речи киллера и сравним их с аналогичными маркерами хезитации в речи заказчика. Полученные в ходе анализа данные могут быть применены в ситуациях, когда коммуникативный статус участника диалога не так очевиден.

Вначале последовательно проанализируем высказывания киллера, а затем перейдем к примерам из речи заказчика.

(1) Че в-в плане-э...

Представленная выше реплика является незавершенной и характеризуется сразу двумя случаями удлинения звука. В первом случае происходит удлинение согласного звука [ф], фонетического варианта предложения *в*. Тонотрама на данном участке ничего не отображает, тональный контур отсутствует, так как звук является глухим, фонации при его произнесении не происходит. Осциллограмма изображает практически прямую линию. Удлинённый согласный [ф] находится между курсорами на первом из вышеприведённых графиков и длится приблизительно 0,65 секунды.

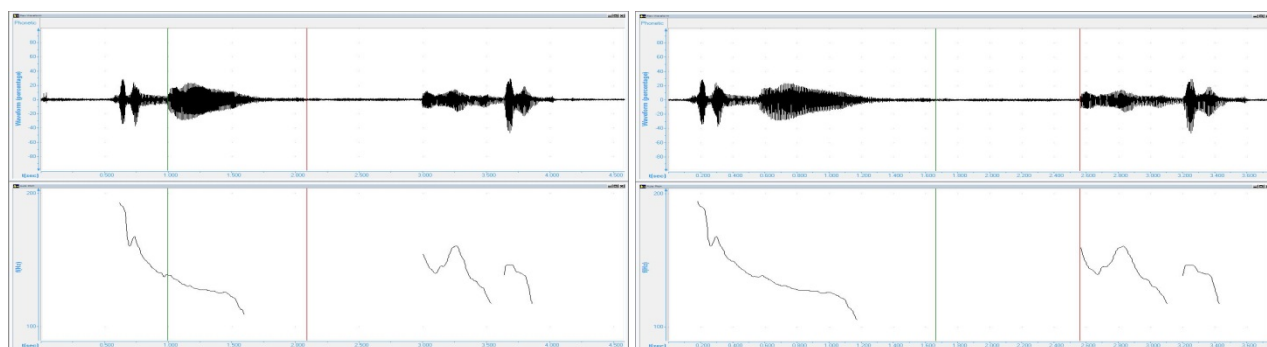
На втором графике представлен удлинённый гласный (от курсора и до конца временной шкалы). Как можно заметить, на данном гласном происходит по-

нижение тона. Длительность гласного равна примерно 0,5 секунды.

На первом графике между курсорами мы можем увидеть движение тона в заполненной паузе хезитации. Хорошо заметным является понижение тона, происходящее в два этапа: сначала он понижается медленно и незначительно, затем происходит более быстрое и значительное понижение частоты основного тона. Пауза длится примерно 1,1 секунды.

На втором графике между курсорами мы видим удлинённый согласный звук [с]. Снова, как и в предыдущем примере, тонотрама не фиксирует движение тона в силу отсутствия фонации. Длительность звука [с] равна примерно 0,9 секунды.

(2) Че там /э-э/ с-с /преждевременный задаточек

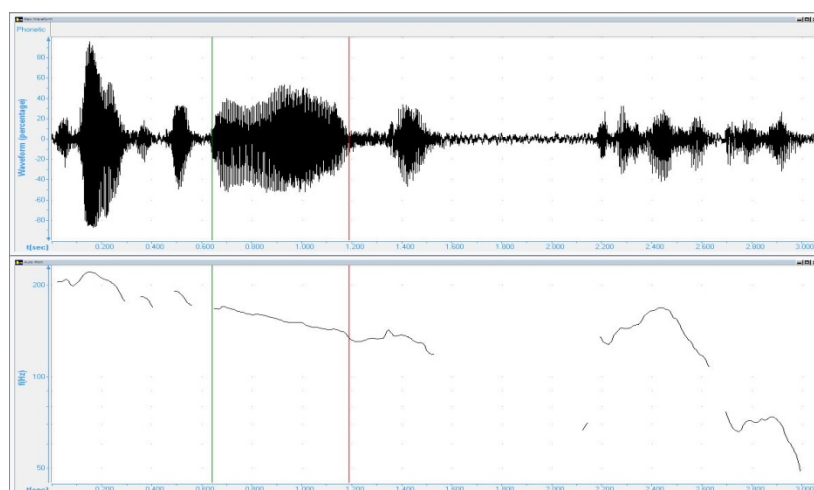

В данном случае мы имеем дело с заполненной паузой хезитации, тональный контур которой находится между курсорами.

Тон в этой паузе незначительно и медленно понижается, остается практически ровным.

Пауза длится чуть больше 0,5 секунды.

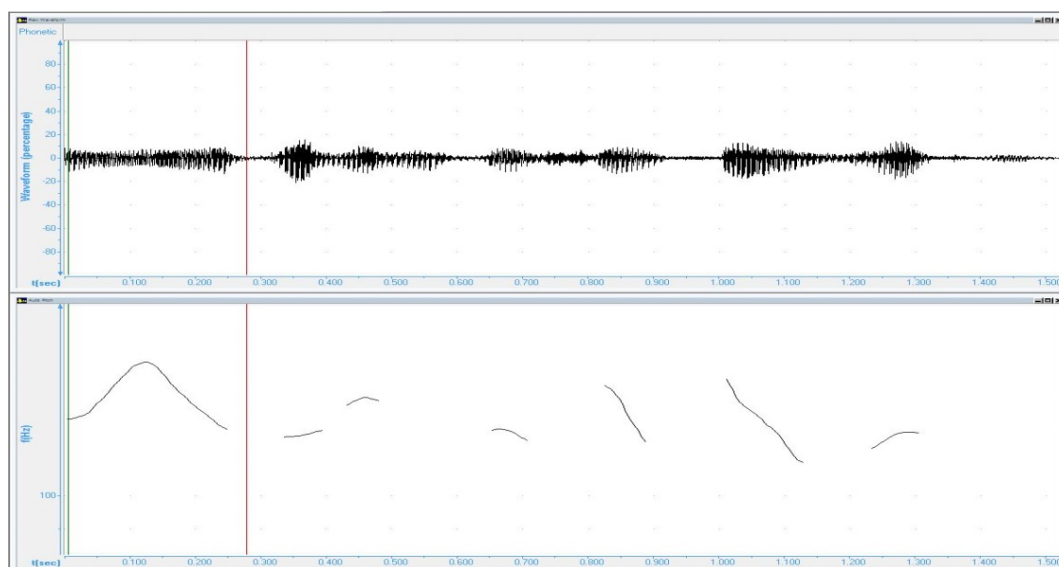
(3) Ну короче как /э-э/ обыкновенная хулиганка

На рисунке запечатлено движение тона в удлинённом гласном [и]. Движение тона в нём восходяще-

нисходящее. Союз *и* в данном высказывании длится чуть меньше 0,3 секунды.

(4) *И-и / потом, если че, сразу звякну*

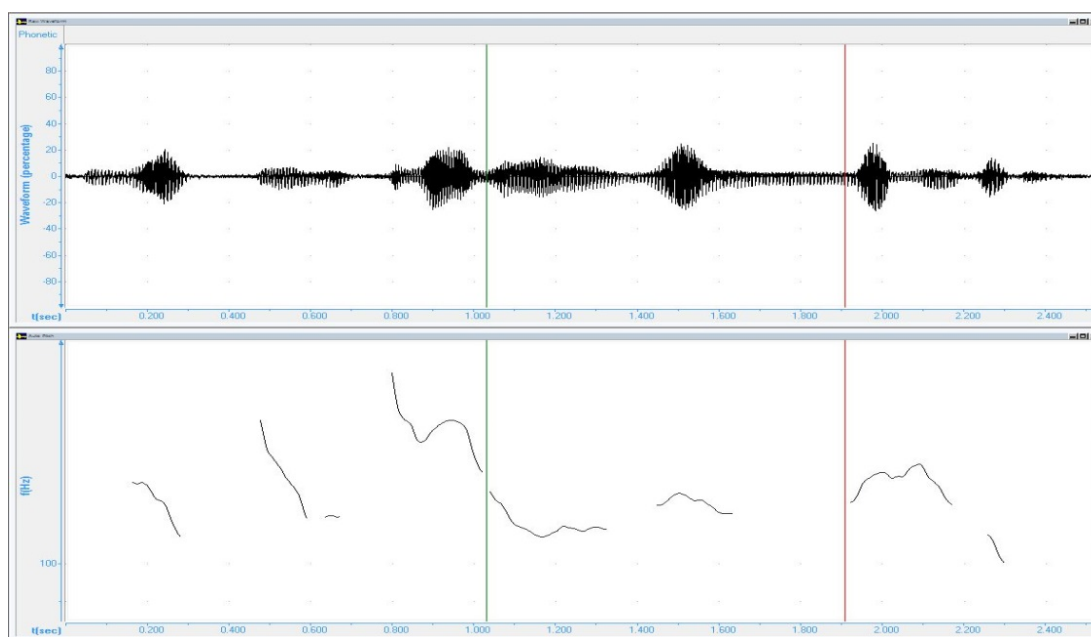

Между курсорами на графике изображено удлинение согласного звука [в], допущенное киллером в приведенном примере. Тонотрама фиксирует движение тона в данном звуке, так как он является звон-

ким. Можно заметить, что тон в звуке неровный, тональный контур изрезанный.

Длительность звука приблизительно равна 0,9 секунды.

(5) *Я в принципе всю дорогу / в-в / одну харю*

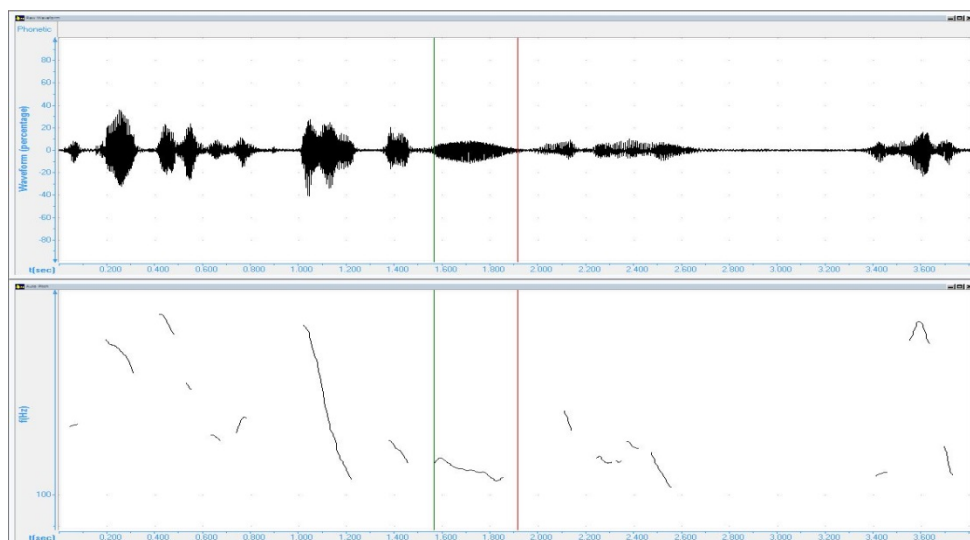
Мы рассмотрели параметры заполненных пауз и удлинённых реализаций фонем в речи киллера. Теперь перейдем к репликам заказчика, чтобы иметь возможность найти различия между маркерами хезитации в речи обоих коммуникантов. Вначале сходным образом охарактеризуем заполненные паузы и удлинённые реализации фонем в высказываниях заказчика.

В репликах заказчика удалось обнаружить только одну заполненную паузу хезитации. Она отображает-

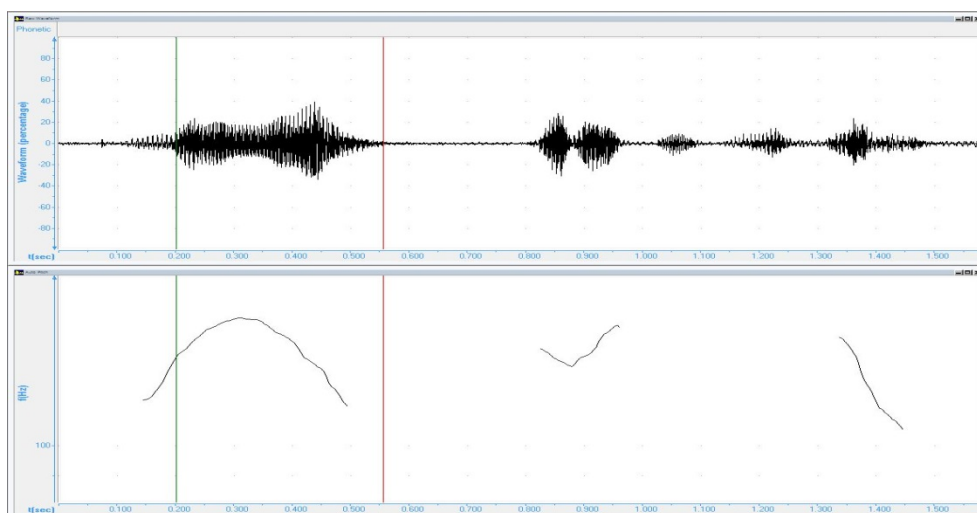
ся на графике выше. Тон в паузе незначительно понижается, остается практически ровным. Длительность паузы составляет примерно 0,3 секунды.

В данном случае происходит удлинение гласного звука [о], входящего в состав союза *но*. Как мы можем заметить, тонограмма отображает восходяще-нисходящее движение тона в удлинённом гласном, но нисходящее движение тона более значительно. Гласный [о] длится около 0,35 секунды.

(6) Такая тема, как обстава под /э-э/ некриминал, возможна?

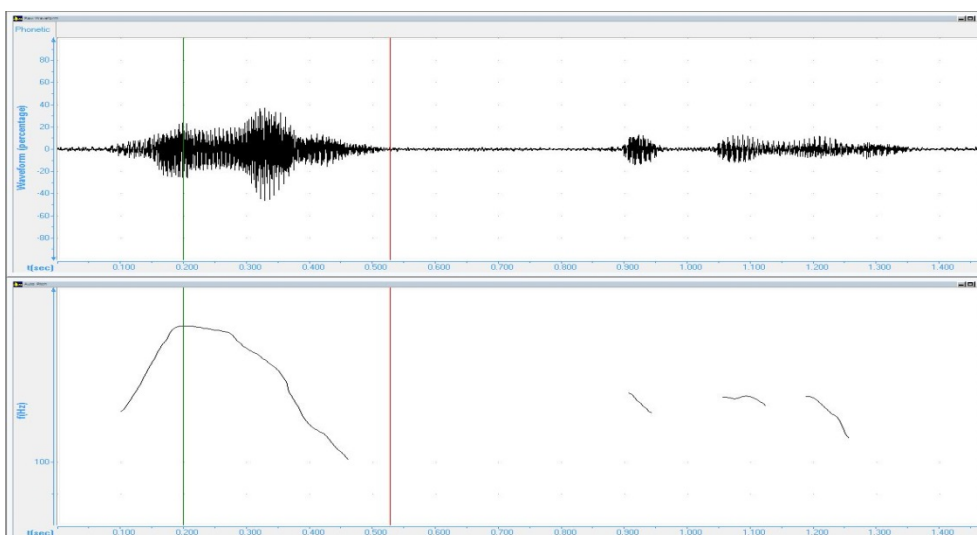
(7) Но-о /торопить не буду

В приведенном примере снова происходит удлинение конечного гласного: в слове *два* произносится долгий звук [а]. Тон в звуке [а] движется вниз, причем

значительно, его конечный уровень ниже тонального уровня начала слога. Длительность рассматриваемого гласного достигает примерно 0,33 секунды.

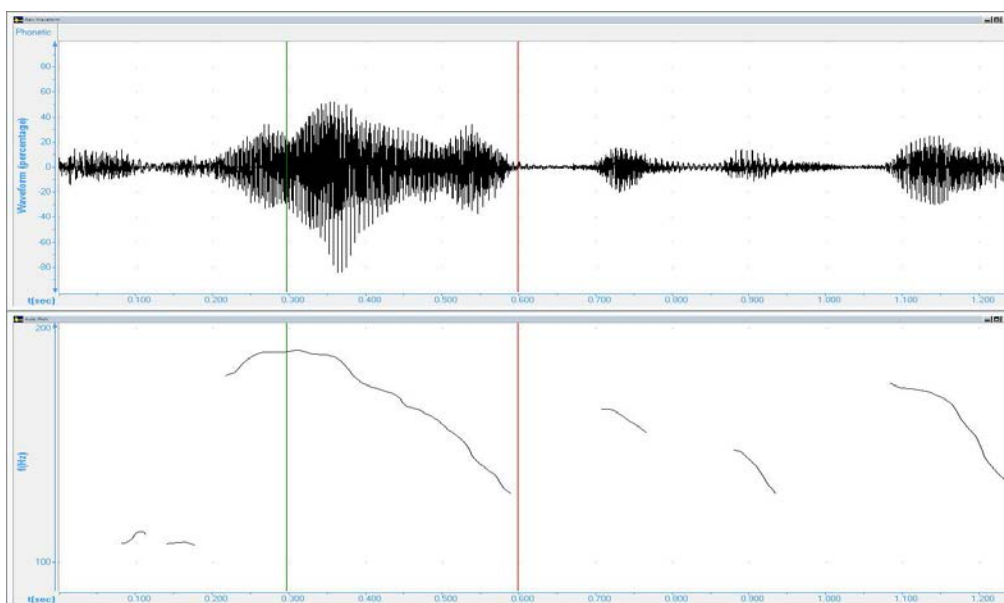
(8) *Два-а* /пассажира

В приведенной реплике наблюдаем удлинение гласного звука; заказчик придает долготу звуку [а] в местоимении я.

Удлинённый звук характеризуется нисходящим тоном и длится приблизительно 0,3 секунды.

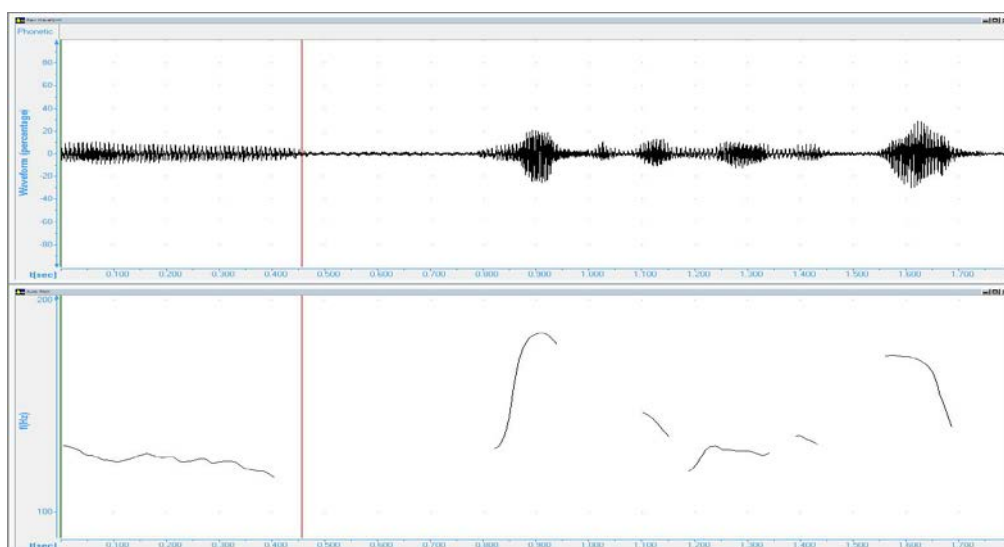
(9) То есть я-а / как бы считаю...

Данный пример демонстрирует удлинение гласного на союзе и. Тональной характеристикой удлинённого гласно-

го является ровный, практически без изменений тон. Длительность звука [и] составляет около 0,45 секунды.

(10) И-и / Леша как бы объяснял...

Рассмотрев заполненные паузы и удлинённые реализации фонем, мы можем заметить различия между характеристиками данных маркеров хезитации в речи киллера и в речи заказчика и попробовать объяснить имеющиеся различия.

1. Первое несовпадение касается временного параметра представленных пауз и удлинений. У киллера длительность пауз и удлинённых звуков достаточно разнообразна, демонстрируется довольно большой разрыв между значениями временных показателей (0,65; 0,5; 1,1; 0,9; 0,3). У заказчика отсутствуют большие различия между значениями временных параметров, паузы и удлинения в целом являются более короткими, чем у киллера (почти всегда около

0,3 секунды). Колебания длительности пауз и удлинённых звуков в речи киллера, а также в целом большая временная протяжённость данных маркеров хезитации являются, на наш взгляд, показателями коммуникативного статуса ведомого. Временные колебания могут говорить об эмоциональной нестабильности говорящего в момент речи, а более длинные, чем у собеседника, сигналы хезитации свидетельствуют о больших коммуникативных затруднениях, отражающих, как нам кажется, некоторую неуверенность говорящего в общении с собеседником.

2. Второе отличие касается движения тона в паузах и удлинённых реализациях фонем. Как можно заметить, у заказчика тон практически всегда равно-

мерно понижается или даже остается ровным, а у киллера, наряду с ровным тоном, существует неравномерное понижение тона (в два этапа), также тон в гласном может быть восходяще-нисходящим, а в одном случае мы наблюдаем изрезанный тональный контур, т.е. некоторые тональные колебания. Такие тональные показатели могут свидетельствовать об эмоциональной нестабильности киллера во время разговора, о недостатке уверенности и, следовательно, могут служить еще одним доказательством того факта, что киллер характеризуется в рассматриваемом диалоге коммуникативным статусом ведомого.

3. Наконец, последним отличием реплик киллера от реплик заказчика в аспекте представленных в них заполненных пауз и удлинений звуков является наличие удлинённых согласных. Речь здесь идет о щелевых звуках [в], [ф] и [с]. Благодаря тому, что данные звуки артикулируются с помощью создания органами речи щели, возникает возможность их долгого произнесения: органы речи не меняют своего положения и происходит длительное, медленное прохождение через них воздушной струи; иногда в процессе произнесения звука участвуют и голосовые связки, тогда происходит процесс фонации. Долгое произнесение щелевых согласных свойственно в данном диалоге исключительно киллеру. Перечислим высказывания, которые имеются в виду:

(1) *Че / в-в / плане-э...* (долгий звук [ф])

(2) *Че там / э-э / с-с / преждевременный задаточек.*

(5) *Я в принципе всю дорогу / в-в / одну харю.*

Удлинённая реализация фонем в перечисленных примерах допускается на предлогах (*в, с*). По нашему мнению, данные удлинения имеют специфическую природу: они возникают в том случае, когда у говорящего появляется сомнение в уместности или необходимости произнесения той конструкции, которая уже сложилась на этапе внутренней речи. Доказательством этому служит произнесенный предлог, являющийся сигналом того, что грамматическая конструкция на уровне внутренней речи уже сформировалась. Кроме того, в одном из представленных выше высказываний использован звонкий вариант предлога *в*

(программа в данном случае фиксирует движение тона), а в другом – глухой вариант того же предлога (программа фиксирует отсутствие фонации). Данный факт свидетельствует о том, что и лексическая структура высказывания в приведенных примерах сформирована на уровне внутренней речи уже в момент произнесения предлога. Артикуляционный аппарат уже приготовился к произнесению звука, являющегося начальным звуком следующего за предлогом слова. Согласно фонетическим законам, в первом высказывании (*Чё / в-в / плане-э...*) следующим звуком должен быть глухой согласный, а во втором (*Я в принципе всю дорогу / в-в / одну харю*) – звонкий / сонорный согласный или гласный. И в обоих приведенных примерах происходит именно так: в первом случае говорящий произносит вслед за предлогом глухой согласный, а во втором – гласный звук. Таким образом, органы речи при произнесении предлога уже готовы к произнесению следующей лексической единицы, а хезитационное удлинение возникает вследствие сомнения говорящего по поводу приемлемости данного слова или конструкции. В высказывании *Че там / э-э / с-с / преждевременный задаточек* такое сомнение приводит к отказу от уже выстроенной в сознании грамматической структуры. Иными словами, киллер пытается контролировать себя, оценивает свои слова с точки зрения их приемлемости в диалоге, т.е. выглядит как более слабый в коммуникативном смысле участник общения. В репликах заказчика, как уже упоминалось ранее, удлинения согласных отсутствуют, а присутствующие удлинённые гласные являются, по-видимому, маркерами поиска. Так, произнося высказывание *Два-а / пассажира* заказчик, как кажется, не думает о том, стоит ли ему произносить слово *пассажир*, а просто пытается найти для некоторых объектов подходящую номинацию. По крайней мере, эксплицитные указания на сомнения заказчика по поводу произнесения слова или конструкции в данной реплике мы не находим, как, впрочем, и во всем диалоге.

Итак, рассмотрев присутствующие в речи киллера и заказчика маркеры хезитации, мы показали, какие именно элементы просодии указывают на коммуникативный статус киллера как ведомого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кибрик А.А. Русский мультимедийный дискурс. Часть I. Постановка проблемы // Психологический журнал. 2018. № 39 (1). С. 70–80.
2. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2002.
3. Николаева Ю.В. Иллюстративные жесты в устном дискурсе (типы, функции, коммуникативное поведение) // Московский лингвистический журнал. 2004. Т. 8, № 2. С. 89–117.
4. Федорова О.В. Методика регистрации движений глаз «Визуальный мир»: шанс для сближения психолингвистических традиций // Вопросы языкознания. 2008. № 6. С. 98–120.
5. Рассказы о свидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Языки славянских культур, 2009. 736 с.
6. Борисова И.Н. Русский разговорный диалог: Структура и динамика. 3-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 мая 2018 г.

Prosodic Markers of Hesitation in the Context of the Determining of the Speaker's Communicative Status

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 12–18.

DOI: 10.17223/15617793/441/2

Evgenia E. Burova, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: abcedik00@yandex.ru

Keywords: communicative status; markers of hesitation; prosody; Speech Analyzer; dialogue; sounding speech.

The article deals with the problem of the relationship of prosodic markers of hesitation and the communicative status of the participant in the dialogue. The aim of the work is to show which specific markers of hesitation and under what conditions express the realization of the status of the slave. The material of the study is a dialogue in Russian, in which one of the interlocutors hires the second as a killer. The material under consideration is a spontaneous oral text recorded on audio media. The text was investigated in the framework of linguistic expertise. In the dialogue analyzed, communicative statuses are set by the situation of communication: it is obvious that the customer takes the lead position and the killer – the position of the slave. However, in such a situation, a nontrivial research task is to characterize the specificity of prosodic hesitation markers in the speech of the communicant who is in the slave position. Therefore, the author reviewed the filled pauses and lengthening of sounds in the killer's speech and compared them with similar hesitation markers in the customer's speech. The data obtained during the analysis can be applied in situations in which the communicative status of the participant in the dialogue is not so obvious. Information about the prosody of the text under consideration was obtained using the Speech Analyzer computer program for the analysis of oral speech. This program allows to trace changes in the pitch contour, the intensity of speech, as well as to describe in detail the pauses in the sounding speech. Prosodic markers are considered here in both quantitative and qualitative aspects. Such an analysis involves the establishment of the duration of the pauses, a detailed description of the movement of the tone in the filled pauses, and a listing of the acoustic properties of elongated phoneme realizations. In the course of the study, the author established that the slave's speech contained a larger number of prosodic hesitation markers than the leader's speech. However, they have a number of specific properties. For example, the duration of pauses and elongated sounds is quite diverse, a rather large gap is shown between the values of temporal indicators (0.65; 0.5; 1.1; 0.9; 0.3). Along with a smooth tone, there is an uneven decrease in tone (in two stages), the tone in a vowel can also be upward-downward, and in one case a rugged tonal contour, i.e. some tonal vibrations, is observed. There are elongated constrictive consonants [v], [f], [s], as well as a change of the tonal contour due to the abandonment of the grammatical structure. All these features, apparently, testify to the speaker's emotional instability and some caution when constructing statements, i.e. reflect the status of the slave given by the communicative situation.

REFERENCES

1. Kibrik, A.A. (2018) Russian multichannel discourse. Part I. Setting up the problem. *Psikhologicheskii zhurnal – Psychological Journal*. 39 (1). pp. 70–80. (In Russian). DOI: 10.7868/S0205959218010075
2. Kreydlin, G.E. (2002) *Neverbal'naya semiotika* [Non-verbal semiotics]. Moscow: NLO.
3. Nikolaeva, Yu.V. (2004) Illyustrativnye zhesty v ustnom diskurse (tipy, funktsii, kommunikativnoe povedenie) [Illustrative gestures in oral discourse (types, functions, communicative behavior)]. *Moskovskiy lingvisticheskiy zhurnal – Moscow Linguistics Journal*. 8 (2). pp. 89–117.
4. Fedorova, O.V. (2008) Metodika registratsii dvizheniy glaz "Vizual'nyy mir": shans dlya sblizheniya psikholingvisticheskikh traditsiy [Methods of eye movements recording "Visual World": a chance for rapprochement of psycholinguistic traditions]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 6. pp. 98–120.
5. Kibrik, A.A. & Podlesskay, V.I. (eds) (2009) *Rasskazy o snovideniyakh: Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Stories about dreams: A corpus study of oral Russian discourse]. Moscow: Yazyki slavyanskikh kul'tur.
6. Borisova, I.N. (2009) *Russkiy razgovornyy dialog: Struktura i dinamika* [Russian conversational dialogue: Structure and dynamics]. 3rd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

Received: 01 May 2018